

Пятаева Анна Владимировна

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ В МОЛИТВЕННОЙ ЛИРИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ ИВАНА КОЗЛОВА)

В данной работе произведён анализ жанровых трансформаций в молитвенной лирике И. И. Козлова. В ходе анализа установлено, что некоторые традиционные поэтические жанры романтической эпохи в творчестве поэта часто приобретают характер стихотворной молитвы. Собственно молитвенная лирика имеет свойство полижанровости и ориентирована как на традиции стихотворных молитв русских поэтов конца XVIII - первой трети XIX вв., так и на некоторые жанры литургической поэзии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/48.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. I. С. 147-149. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ В МОЛИТВЕННОЙ ЛИРИКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ ИВАНА КОЗЛОВА)

Пятаева А. В.

Волгоградский государственный педагогический университет

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Жаравиной Л. В. и д.ф.н., проф. Тропкиной Н. Е.

В данной работе произведён анализ жанровых трансформаций в молитвенной лирике И. И. Козлова. В ходе анализа установлено, что некоторые традиционные поэтические жанры романтической эпохи в творчестве поэта часто приобретают характер стихотворной молитвы. Собственно молитвенная лирика имеет свойство полижанровости и ориентирована как на традиции стихотворных молитв русских поэтов конца XVIII - первой трети XIX вв., так и на некоторые жанры литургической поэзии.

По мнению В. А. Грехнева, «на пушкинскую эпоху в русской поэзии выпадают едва ли не самые интересные страницы в истории литературных жанров. В эту пору наиболее продуктивные из них - ода, элегия и послание - завершают цикл своего развития, и лирика вырывается на просторы свободного мышления» [Грехнёв 1985: 6]. Говоря о жанровых трансформациях в поэзии Ивана Козлова, поэта-романтика пушкинского круга, следует отметить некоторое противоречие, возникающее в его лирике между формой (жанровым канонам) и содержанием как мировоззренческой категорией, в результате чего форма и содержание вступают в отношения, при которых «новизна» высвечивает «старину» [Грехнёв 1985: 6].

Приступая к анализу собственно молитвенной лирики И. И. Козлова, нужно сказать о трансформации канонических стихотворных жанров, таких как сонет и дружеское послание, в стихотворные молитвы и об ориентации его поэтических текстов на некоторые канонические жанры литургической практики. По словам исследователей, молитвенная поэзия «живёт на границе с религиозной сферой и ориентирована на религиозную молитву как на жанровый канон» [Граудина 2007: 18]. Л. К. Граудина отмечает, что «стихотворная молитва, хотя в основе своей и по прямому назначению, общей устремлённости к Богу, святым и небесным силам нередко сохраняла связь с церковной молитвой, тем не менее была самостоятельным и самобытным художественным произведением» [Граудина 2007: 18]. Сам Козлов к жанру молитвы относит лишь два стихотворения: «Моя молитва» (1833 г.) и «Молитва» (1840 г.). В его дневнике существует интересная запись, касающаяся последнего стихотворения: «Около 12 часов ночи нашло на меня вдохновение, и я сочинил молитву в виде сонета» [Козлов 1906: 29]. Выбор сонетной формы несколько необычен, но он не должен казаться странным, т.к. сонет как лаконичная форма, исключая многословие, соответствует содержанию поэтической молитвы, также исключая греховное многословие и празднословие. Подобно тому, как сонет требует большой поэтической концентрации, поэтической дисциплины и «конденсированности» стиха, так и молитва основана на духовной концентрации и максимальном сосредоточении, «сведении ума в сердце». В своём предсмертном сонете Козлов концентрирует некоторые основные идеи и мотивы своего творчества, приводя их к своеобразному разрешению и художественному завершению. Так, во втором катрене предельно лаконично подводятся итог теме *страдания*, которая является важнейшей в описании душевной жизни лирического героя и тесно связана с жизнью духа: «*Не страшны мне мои страданья: / Они залог любви святой...*» [Козлов 1960: 303]. Органично в данном контексте и упоминание двух святых: св. евангелиста Иоанна Богослова, любимого ученика Христа, и св. Марии Магдалины, которая первой увидела Его после Воскресения: «*Взгляни на сердца нищету, / Дай Магдалины жар священный, / Дай Иоанна чистоту...*». Образы людей, наиболее близких Спасителю в земной жизни, подтверждают значимость для поэта личностных, любовно-дружеских отношений с Господом. Таким образом, жанр сонета осмыслен Козловым как сакральная форма общения с Высшим Началом.

По верному замечанию Л. Гинзбург, «русская лирика 1810-1830 годов свидетельствует о том, какой силы <...> может достичь словесное искусство, всецело основанное на традиции, но и о том, как насущна и неизбежна потребность освобождения от канонов ради новых художественных постижений мира» [Гинзбург 1997: 21]. Что касается поэзии Козлова, то эта особенность лирики его времени наиболее ярко проявилась в самом распространённом в его творчестве жанре дружеского послания.

Э. Веденяпина справедливо замечает, что многие жанры у Козлова трансформируются в дружеское послание [Веденяпина 1972: 46]. Но можно утверждать и обратное: у Козлова жанр послания претерпевает дальнейшую трансформацию. Стихотворение «К Жуковскому», написанное 1 января 1832 г., можно характеризовать как стихотворную молитву в форме дружеского послания - поздравления друга с наступившим Новым годом. Подобный жест не случаен: известно, что в Православной церкви на Новый год полагается совершать специальный молебен. Интересно, что в этот же день, 1 января 1832 г., было написано другое произведение на ту же тему - это стихотворение В. К. Кюхельбекера «Новый год» [Пророк 2001: 357-358]. В нём содержится философское размышление о времени и вечности, о Боге и человеке, здесь чувствуется традиция Державина. Последние три строфы (всё стихотворение состоит из 15 строф) представляют собой тоже молитву, выдержанную в высоком молитвенном стиле, с использованием славянизмов («перси», «глас» и др.), благодарственную и просительную. Козлов идёт по другому пути. Избрав для своей молитвы жанр дружеского послания, он реализовывает одну из центральных идей своего творчества «*Бог - Друг*» и создаёт так называемую молитву «в житейских нуждах». Этот вид молитвословий является распространённым в православных молитвенниках. Обращаясь к другу, Козлов одновременно обращается и к Богу, моля Его о

самых простых естественных вещах, о которых, возможно, поэт не решился бы просить в стихотворной молитве. В преддверии нового года земной жизни лирический герой послания предстоит «с тревожною душою», молится прежде всего за своих близких и друзей: «*Молю Подателя щедрот, / Чтоб Он хранил меня с женою, / С детьми моими - и с тобою, / Чтоб мне в тиши мой век прожить, / Всё тех же, так же всё любить*» [Козлов 1960: 218]. Последние строки представляют собой перифразу из молитвы ко Пресвятой Богородице из Покаянного канона: «...приведи мя грешного к тихой и безмятежной жизни» [Православный молитвослов 1994: 53].

Таким образом, стихотворное послание «К Жуковскому» (1832 г.) можно отнести к жанру молитвы на всякую потребу (в житейских нуждах).

Следует отметить, что вкрапления молитвенных жанров встречаются у Козлова многократно в стихотворениях различной жанровой природы. Кроме отмеченного стихотворного послания «К Жуковскому», такие вкрапления есть и в других посланиях («К другу В.А.Ж.», «К Светлане» и др.). Кроме того, молитвы в них встречаются часто в опосредованной форме, когда лирический герой рассказывает о них своему адресату: «*Туда я возношусь душой, / Откуда звёзды нам сияют: / Да милосердный наш отец / Вонмёт несчастного моление / И за терновый мой венец / Невинным даст благословенье!*» («К Светлане» [Козлов 1960: 56]).

Целесообразно обратиться к подробному анализу упомянутого выше стихотворения «Моя молитва» (1833), которое непосредственно относится к жанру молитвенной лирики (сам Козлов называет его «большой молитвой» по сравнению с молитвой-сонетом - «малой молитвой» [Козлов 1906: 33]). Стихотворение состоит из восьми восьмистишных строф, написано четырёхстопным ямбом. Как отмечает В. Л. Калугина, говоря о молитве-сонете Козлова, поэт изображает в своём стихотворении романтическую сильную личность, стяжающую себе своими страданиями венец мученичества [Калугина 1993: 20]. Это можно отнести и к стихотворению «Моя молитва». Молящийся человек, согласно православным канонам, должен предстать перед Всевышним со смиренной душой, с чувством покаяния, и эта стихотворная молитва начинается словами такого смирения и выражения любви к Богу: «*О Ты, Кого хвалить не смею, / Творец всего, Спаситель мой; / Но Ты, к кому я пламенею / Моим всем сердцем, всей душой!*» [Козлов 1960: 225].

Первые две строфы стихотворения можно соотнести с таким жанром литургической поэзии, как *акафист*. Как известно, это «жанр церковного песнопения, гимн в честь Христа, Богородицы, святых или праздника», восходящий к византийскому литургическому песнопению в честь Девы Марии [Литературная энциклопедия терминов и понятий 2003: 20]. Акафист представляет собой чередование кондаков и икосов. Первые четыре стиха первой строфы можно считать своеобразным кондаком, «поэтика которого позволяла (кратко) пересказать библейский или агиографический эпизод» [Литературная энциклопедия... 2003: 484] и выразить свою похвалу Всевышнему (или святому). Например, кондак 1 *Акафиста Сладчайшему Господу нашему Иисусу Христу* звучит следующим образом: «Возбранный Воеводо и Господи, ада победителю, яко избавлься от вечныя смерти, похвальная восписуем Ти создание и раб Твой; но яко имеяй милосердие неизреченное, от всяких мя бед свободи, зовуща: Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя» [Акафистник 1995: 17]. При сопоставлении с начальными строками стихотворения Козлова мы отмечаем тот же мотив похвалы, усиленный мотивом самоуничужения автора («*О ты, кого хвалить не смею...*»).

С пятого стиха первой строфы и на протяжении второй строфы мы ощущаем соответствие с икосом, представляющим собой более развёрнутое церковное песнопение, повествующее о жизни Господа, Девы Марии или святого, основанное на одновременном перечислении и восхвалении с соответствующим типом интонирования («*Радуйся, Мати милосердия и щедрот <...> Радуйся, Бесплотного воплотившая*» [Акафистник 1995: 191]). Аналогичную форму мы наблюдаем и у Козлова: «*Кто по своей небесной воле, / Грехи любовью превозмог <...> / Кто нас спасает от сетей / И ставит против тьмы греховной / Всю бездну благодати своей!*» [Козлов 1960: 225]. Здесь интонация перечисления, основанная на амплификации, соединяясь с восклицанием, создаёт «акафистный» эффект, а также даёт определённое ощущение эмоционального нарастания, разрешающееся в третьей строфе собственно молитвой *просительной*, в которой содержится прямая просьба [Граудина 2007: 23] и преобладают императивные глагольные формы: «*Услышь, Христос, моё моление, / Мой дух собою озари / И сердца бурного волнение / Как зыбь морскую, усмири*» (выделено мной - А. П.).

В данную строфу Козлов вводит три евангельских образа. Во-первых, образ моря («*зыбь морская*»), символизирующий жизнь человеческую, накладывается на образ сердца. Его «*бурное волнение*» молит усмирить лирический герой, что, в свою очередь, является скрытой реминисценцией из Евангелия [Мф.14: 25-32]. В следующих четырёх строках путём привлечения двух известнейших евангельских сюжетов (притча о блудном сыне и чудо воскрешения Лазаря) поэт выражает свою любовь к Господу, своё личное чувство к Нему. Введение через евангельские образы личных мотивов позволяет поэту перейти через рефлексию, соответствующую образу романтического героя в лирике (четвёртая строфа), к *молитве-исповеди* (пятая строфа и первые четыре стиха шестой строфы): «*Но в мрачном, горестном уделе, / Хоть я без ног и без очей, - / Ещѣ горит в убитом теле / пожар бунтующих страстей // <...> Тревожной совести угрозы, / О Милосердный, успокой; / Ты видишь покаянья слѣзы, - / Молю, не вниди в суд со мной*» [Козлов 1960: 225-226]. В данной строфе ощущается связь с такими жанрами литургической поэзии как *молитва перед исповедью* и *Покаянный канон*. Кроме того, в пятой строфе чувствуется сходство с бунтующими персонажами столь любимого Козловым Байрона, но оно не перерастает в родство, поскольку герои Байрона умирают непримирѣнными ни с людьми, ни с Богом. Лирический же субъект Козлова - носитель православного мировоззрения, с точки

зрения которого страсть - грех, и у Козлова страсти «бунтуют» не против Всевышнего, но против их носителя, ведущего с ними духовную брань. В этой же строфе звучит ещё один евангельский мотив: «*Да будет брачная одежда / Рабу строптивому дана*». Поэт использует Притчу о браке сына царя [Мф. 22: 1-14], имея в виду под «*строптивым рабом*» человека, оказавшегося на брачном пиру не в брачной одежде, т.е. неготового для вхождения в Царство Небесное. Подобный образный ход связан скорее не с самой евангельской притчей, но с церковным песнопением, напоминающим её всем верующим на Страстной неделе: «Чертог Твой Вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду вонь: просвети одеяние души моя, Светодавче, и спаси мя» [Православный молитвослов 1994: 155].

Последние четыре строки шестой строфы представляют собой жанр так называемой *богословской оды* и напоминают нам о знаменитых антитезах Державина из оды «Бог»: «*Ты всемогущ, а я бессильный, / Ты царица миров, а я убог, / Бессмертен ты - я прах могильный, / Я быстрый миг - ты вечный Бог!*» (ср. у Державина: «*Я царица - я раба - я червь - я Бог!*» [Пророк 2001: 68] и т.д.). Но у Козлова, в отличие от Державина, говорится не о раздвоенности человека на духовное и телесное начала, а о метафизической противопоставленности Бога как Всемогущего и Бессмертного и человека как слабого и смертного.

Седьмая строфа вновь представляет собой *просительную* молитву, переходящую в финале в молитву *призывательную* (классификация Л. К. Граудиной [Граудина 2007: 23]), содержащую призыв к Богу или к Божественным силам с молением прийти на зов. Здесь же лирический герой приходит к некоторому итогу: во время молитвы его душа умиротворяется, страсти утихают, их «*пожар*» становится «*туманом*», появляется «*луч отрадный упования*», желание любить и прощать.

Восьмая строфа построена в основном на восклицательных интонациях, поскольку лирическое чувство достигает кульминационной точки: герой призывает Бога не с целью исполнения какой-либо его просьбы, а для полного растворения души в Божественной любви: «*Твоей я благости уверяю / Жену, детей, всего себя! <...> Пребуди Божественной любовью / Везде, всегда, во мне, со мной!*» [Козлов 1960: 226].

Таким образом, на примере данной стихотворной молитвы мы можем сделать вывод о её полижанровой природе, о сплавле в одном стихотворении различных жанров литургической поэзии и молитвенной лирики, способствующем, в свою очередь, выражению переживаний романтически сильной личности в её обращении к Высшему Божественному Началу. Такая полижанровость характерна для лирики И.И. Козлова в целом.

Список использованной литературы

1. **Акафистник.** - М.: Даниловский благовестник, 1995. - 544 с.
2. **Веденяпина, Э. А.** Романтизм Козлова: Дис. ... канд. филол. наук / Э. А. Веденяпина. - М., 1972.
3. **Гинзбург, Л. Я.** О лирике / Л. Я. Гинзбург. - М.: Интрада, 1997. - 415 с.
4. **Граудина, Л. К.** «В молитве тёплой я излился...». О стихотворной «молитве» послепушкинской поэзии XIX в. / Л. К. Граудина // Рус. речь. - 2007. - № 1. - С. 17-24.
5. **Грехнёв, В. А.** Лирика Пушкина. О поэтике жанров / В. А. Грехнев. - Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1985. - 239 с.
6. **Калугина, В. Л.** Две «молитвы» / В. Л. Калугина // Пушкинская эпоха и христианская культура: по материалам традиционных Христианских Пушкинских чтений. - СПб.: С.-Петербург. Центр правосл. культуры. - 1993. - Вып. 3. - С. 19-23.
7. **Козлов, И. И.** Дневник / И. И. Козлов / Публ., вступ. ст. и комментарии К. Я. Грота. - СПб., 1906. - 31 с.
8. **Козлов, И. И.** Полное собрание стихотворений / И. И. Козлов / Вступ. ст., подготовка текста и прим. И. Д. Гликмана. - Л.: Сов. писатель, 1960. - 507 с.
9. **Литературная энциклопедия терминов и понятий** / Под ред. А. Н. Николюкина. - М.: НПК «Интелвак», 2003. - 1600 с.
10. **Православный молитвослов.** - СПб.: Сатис, 1994.
11. **Пророк: библейские мотивы в русской поэзии.** - М.: Фолио, 2001. - 416 с.

К ПРОБЛЕМЕ АВТОРСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ИНТЕРНЕТ-ПОЭЗИИ

Ракитина Е. Б.

Саратовский государственный университет

Статья рекомендована к публикации к.ф.н. Кочетковой А. А. и д.ф.н. Елиной Е. Г.

В статье рассматриваются некоторые особенности специфической культурной среды поэтического Интернет-сообщества, в частности, создание мифологизированного условного образа поэта и его влияние на самоидентификацию сетевых авторов. Материалом исследования являются произведения, опубликованные на поэтическом ресурсе Стихи.ру.

Специфика самоидентификации Интернет-поэтов, «поэтического народа», как называет их Олег Арнонсон, тесно связана с особым восприятием поэзии и фигуры поэта. Для поэтического народа поэзия - речь не только с проявленной, но и с повышенной ценностью, статусная форма высказывания. Сетевой автор не просто пишет стихи - он приближается к чему-то априори значимому, вступает в ряды избранных. Подобное место поэзии в иерархии культурных практик отчасти объясняется тем, что в сознании даже мало начитан-